

18+

Н. П. БЕЛОМЫТЦЕВА

ТРОПОЮ ЖИЗНИ

Наталья Беломытцева

Тропою жизни

«Издательские решения»

Беломытцева Н. П.

Тропой жизни / Н. П. Беломытцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689080-0

Книги обогащают душу и расширяют кругозор. В моей есть то, о чём многие не знали. В ней личные воспоминания, наблюдения из прошлого и настоящего. Всё, что я узнала и пронесла через свою жизнь помогло мне мыслить нестандартно, развивать эмпатию и лучше понимать себя и окружающий мир, прикоснуться к нему так, как его увидела я. Думаю, что мой читатель проникнется к судьбам людей ушедших и оставивших след в жизни. И также не будет безразличным к судьбам тех, кто решил — «Увидеть Париж и...»

ISBN 978-5-00-689080-0

© Беломытцева Н. П.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
О встрече и любви родителей	7
Накануне Рождества	11
Причалы судьбы	15
Счастливая находка	19
Фотографии на память	21
Письма памяти	26
Соловки	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тропою жизни

Наталья Петровна Беломытцева

Иллюстратор Milla Ménager

© Наталья Петровна Беломытцева, 2026

© Milla Ménager, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0068-9080-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«В жизни сначала все бывает хорошо, потом очень хорошо, а затем настолько хорошо, что бывает плохо» (Л. Н. Толстой)

Наш великий классик Лев Николаевич Толстой, очень много размышлял о жизненном предназначении человека, семейных ценностях. Он придерживался исключительно своей позиции, тем не менее, цenia жизнь во всех её проявлениях

Вот и моя жизнь представлена в размышлениях, примерах и состоит из личных наблюдений и пережитого. Здесь всё правда и ничего кроме правды.

События, вторгнувшиеся в жизнь, какими бы неприятными они ни были, видимо, необходимы для того, чтобы научиться тому, как мы должны жить.

Можно осуждать, рассуждать, недооценивать, переоценивать, сопоставлять себя с тем или иным событием. А как бы ты поступил, повёл себя в данной ситуации? Но чаще всего изменить уже ничего нельзя. А хорошо это или плохо, – время и жизнь покажут.

Автор Наталья Петровна Беломытцева

О встрече и любви родителей

Их трогательная, нежная, сначала дружба, а потом любовь началась в далёкие годы начала прошлого столетия! Гимназистка Анна Циклинская и семинарист Пётр Беломытцев познакомились, когда моей маме было 15 лет, а папе 19 лет! Они встречались часто в фотографии, владельцами которой были мои родные дяди – Николай и Иван Циклинские. Там же была хорошая библиотека.

Они любили литературу, историю, театр, природу – их это сближало. Одухотворённые и влюблённые в жизнь и друг в друга, решили пожениться. В 1919 г. 13 мая в г. Ново-Николаевске (Новосибирске) состоялось венчание. Оно происходило в Соборе Александра Невского. В своих воспоминаниях мама как-то поделилась со мной, что за день до свадьбы папа решился поцеловать её, и она, смутившись, растерялась и убежала от будущего мужа! Мораль в те времена у молодёжи была высокой. Мама рассказала мне случай, когда родной брат Николай увидел, как его родную сестру подвозит в экипаже неизвестный юноша, он вопросительно посмотрел на неё и спросил: «И что это значит, Анна?» Мама покраснела, не зная, что ответить. Она считала, что поступок её не имел оправдания.

Свадьба 1919-го года... Даже представить трудно, какой она могла быть в полуразрушенной стране, где было столько горя. Но событие произошло. Были гости и даже поздравление из-за рубежа. Да, да, от того самого никому неизвестного, подвозившего её в экипаже. Открытка пришла из Польши. Имя забылось за давностью лет. Молодой человек был сыном какого-то министра. Какова цель его пребывания в России, неизвестно, но в те годы в Ново-Николаевске было много людей из других стран. Влюбившись в маму, сделал ей предложение, но она предпочла ему моего отца.

К сожалению, эта открытка не сохранилась или была предусмотрительно уничтожена. Времена-то какие! Не дай Бог, если у кого какие связи и знакомства, да ещё с зарубежьем, а, учитывая статус и происхождение, то неизвестно, чем всё могло закончиться. На свадьбе среди приглашённых почётной гостьей была Дебора Яковлевна Пантофель – Ничецкая. Советская оперная певица, «сибирский соловей», как её называли. Она подарила маме театральную сумку из серебра, храню её до сих пор. В то время это был очень дорогой подарок. О других гостях мама не рассказывала – забыла или побаивалась, потому, как среди них могли быть люди, чьи фамилии не подлежали огласке.

А ещё у отца был замечательный природный голос. На это обратили внимание и Дебора Яковлевна, и мать Мстислава Ростроповича Софья Николаевна. – они советовали отцу учиться пению, ставить голос. Папа был очень увлечён театром, прекрасно пел и играл в спектаклях. Их ставили учащиеся учебных заведений города Ново-Николаевска (Новосибирска) на сцене театра «Красный факел». В репертуаре была пьеса «На дне» Максима Горького. Как-то однажды мама, как зритель, находилась в зале театра. И вдруг шум, бряцание оружием, крики: «Всем оставаться на местах», – опрокидывая всё и всех, кто у них на пути, ворвались красноармейцы. Это была очередная облава, Отлавливали людей, чтобы собрать «праздную» публику и отправить на принудительные работы. Папа быстро прибежал в зал, взял маму за руку и отвёл на сцену. Вот так она избежала мобилизации на благо советской власти или чего там ещё...

Мама умела и любила работать, но глава семьи всячески старался оберегать её. Впоследствии ей пригодилось здоровье, чтобы сажать картошку. Папы тогда уже не было. Запомнилась и мне эта картошка: в 12 лет я надорвала спину.

Особое внимание и заботу к маме он стал проявлять, когда родились дети – Нина и Евгений. Он нанял помощницу в дом, чтобы молодой жене было проще справляться с детьми, и сам иногда готовил завтрак считая, что она должна хорошо отдыхать. Мама, когда находилась свободная минутка, частенько помогала работнице по дому. Мои родители тогда не задумались

о том, того ли человека они пустили в свой дом, чтобы вполне доверять ей. Однажды, вернувшись с детьми с прогулки, мама не обнаружила её присутствия. Домработница исчезла, прихватив с собой подарок папы, – золотые часы известной швейцарской марки «Павел Буре». Поиски исчезнувшей «помощницы» не увенчались успехом. Да и кто бы стал искать какую-то женщину. Она же не работала где-то на предприятии, её «эксплуатировали» в дворянской семье, при этом достойно оплачивая её труд, дарили на праздники подарки, да и обедала она за общим с ними столом, а не на кухне. Но это мало кого интересовало, на этом всё и закончилось. Когда дети были ещё маленькими папа позаботился о покупке инструмента. Отстояв в очереди с раннего утра, он пришёл домой в грязном костюме, хотя уходил в белом. Потом с улыбкой вспоминали, как отцу досталось пианино «Красный Октябрь».

Отец был человеком образованным. Он помогал той власти – Помимо своей основной работы занимался ликвидацией безграмотности. Но пришедших к власти интеллигенция не интересовала, кроме того, в душе большевики её ненавидели. Потом их отношение к этой прослойке общества отразилось в репрессиях против своего же народа.

Родители влюбленные в театр и музыку всегда старались не пропускать премьеры и бывать на концертах. Папа по возможности старался раздобыть хорошие билеты. Я как сейчас помню, с каким восторгом мама рассказывала о гастролях певца Леонида Собинова. Его выступление состоялось в Новосибирске. У отца было ещё одно пристрастие: он любил, когда мама красиво одевалась, хотя в эти годы было сложно что-то купить. Часто бывая в командировках привозил супруге подарки: отрезки на платье, пальто. Что-то шила мама сама, что-то заказывали у знакомого театрального модельера. Папа всегда бывал с женой на примерках, она доверяла его вкусу. Но в их слаженной полной любви и взаимопонимания жизни были и сложные моменты. В стране был голод, болезни и приходилось что-то предпринимать, искать выход. Папа много работал, но в сложившейся ситуации возможностей жить достойно становилось всё меньше. Однажды было принято решение сдавать комнату в доме. Желающих поселиться в уютном доме было достаточно. Дом был большой и в самом центре. Гостиница в городе

одна, и поэтому городские власти периодически обязывали маму сдавать комнату. Она работала в Горисполкоме на общественных началах; т.е. зарплату не получала. Из её рассказов я помню, что в тот период квартировали у них известные люди – родственник посла Великобритании Берлин, племянница Серго Орджоникидзе с семьёй (сохранились фото), артист и писатель Юрий Магалиф. Но наступило время, когда их жизнь рухнула.

Папа был арестован по доносу осуждён по 58 ст. и отправлен отбывать наказание в Соловки. Это случилось в 1925 году. Маме стало совсем тяжело, ведь на руках было двое маленьких детей. Тогда снова она решила пускать в дом чужих людей. Чужие люди относились к ней с сочувствием, а вот близкие – отнюдь. Её родная сестра, когда видела маму на улице, то не здоровалась и, мало того, переходила с мужем на другую сторону, чтобы не встречаться с женой врага народа.

Когда я подросла, то мама вспомнила и рассказала мне про то, как соответствующие властные структуры города не задумываясь и не отказывая, видимо, себе в удовольствие наказывать маму, – привлекли её к шитью каких-то рукавиц, но это чужие люди, а тут свои...

В 1928 г. папу освободили, а в 1941 г. Началась Великая Отечественная война. В тот день, когда объявили о вторжении Германии в пределы СССР, мама находилась в саду среди своих цветов и со мной... на пятом месяце. В каком она была состоянии и что испытывала в эти минуты, когда слышала, нетрудно себе представить.

В начале войны отец уехал на Алтай готовить молодых солдат владеть оружием. В юности он учился в кадетском корпусе при дворе Николая второго. Пройдя основы боевых действий, в 1942 г. вместе с бойцами уехал на фронт. В своих письмах перед боем, в свободную минуту отец писал маме о своих переживаниях, беспокоясь о семье. Меня называл, не иначе, как Наточка. Папа просил маму покупать Наточке шоколадку и хотел чтобы она говорила мне – от это папы. Вслед за отцом на фронт «сбежал» мой старший брат Евгений, – как ему это удалось, никому неизвестно. До войны он учился музыке и подавал большие надежды, как музыкант. Отличник вызывающий у педагогов восторг своими блистательными ответами в области – литературы, географии, истории. А ещё была у Жени слабость – духи. Папа привозил их из командировок. Глава семьи души не чаял в своей супруге и добывал их всеми правдами и неправдами. Эти духи назывались «Кремль» фабрики «Новая Заря». Евгений тайком от родителей надушив кепку приходил в школу и весь класс и не только, ощущал их дивный аромат.

Маму потом в школу вызывали. Мои родные – отец, брат, как и многие, хотели вернуться в родной дом к семьям, детям, жёнам, но на их долю выпала другая судьба – они погибли защищая Родину. Мама, несмотря на потерю мужа и сына, никого, никогда ни о чём не просила. Но однажды от безысходности решилась. Наступившая зима была очень суровой. Уголь сестра заказывала на заводе, а вот дрова надо было добывать самым. Тогда мама обратилась к начальнику железной дороги, где последние годы работал папа, и попросила выписать ей дрова. Ответ был неожиданным: «Где я вам возьму дрова? Много вас тут таких ходят с протянутой рукой. Идите и собирайте щепочки на улице...». Да, ощущать себя вот такой, никому не нужной, приходилось моей маме, а потом и мне. Вспоминать этот период жизни я не стану, так как все его помнят; правда, все по-разному. Кому-то это время было манной небесной, а кому-то жалким существованием... Выживать ей с маленькой дочерью было тяжело, поэтому снова она пускала в свою жизнь людей, сдавая комнату оставшуюся навсегда свободной. Старшая сестра Нина работала на заводе. От тяжелого труда у неё отнимались ноги, и я хорошо помню, когда мама была занята чем-то, то Нина на коленях «подходила» к кровати и выполняла мои просьбы; то я хотела пить, то ещё что-то, а то вдруг вспоминала, что у меня есть игрушка – моя единственная целлулоидная кукла, и мне хотелось играть. Эти моменты остались в моей детской памяти. Жизнь продолжалась. Мама больше не выходила замуж. Она до конца своих дней хранила память о муже.

Иногда, бывая в своём родном Новосибирске, я прихожу на улицу Крылова, где жили мои родители. Этого дома уже давно нет, но остались деревья посаженные моим отцом, и воспоминания о тех годах и людях тех лет, которые бывали в этом гостеприимном доме, где царила любовь, взаимопонимание, и прошли мои детство и юность.

Накануне Рождества

*Из воспоминаний моей матушки, урождённой Анны Циклинской.
Записано дочерью Анны – Натальей Беломытцевой*

Утро на Рождество начиналось очень рано. В семь часов уже все на ногах. Дом был большой, у каждого из нас своя комната. Прислугу иметь при себе мама не любила, а приглашала её только тогда, когда в этом была необходимость. Так вот, накануне Анисья Ефимовна позвала для подготовки к празднику женщину, которая уже много лет бывала в этом доме и исполняла все просьбы, если так можно сказать, и наказы барыни. Сама Анисья Ефимовна была прекрасной хозяйкой. К ней любили заезжать по четвергам на журфиксы, организованные для родных и близких. Готовила она отменно. Куличи и пироги имели какой-то особый вкус, и запах распространялся по всей округе. Ну, поговаривали соседи, значит будет праздник или гости нагрянут.

Сама же матушка выезды не приветствовала, и за ней частенько присылали извозчика, приглашая в гости. Рождество – особый праздник, поэтому за столом собиралась только её большая семья. У матушки было десять детей. Понятно, что появлялись они не сразу, но в этот год, оставшийся в памяти навсегда, нас было пятеро. Я часто бывала рядом с мамой на кухне, и меня за это прозвали «Кулинар». В свободное время очень много читала. Вспоминаю один курьёзный случай, запечатлевшийся в ранней юности. Мы всей семьёй бывали в гостях у двоюродного брата отца и накануне Рождества нанесли визит в этот гостеприимный дом.

Моя мама, ученица женской гимназии г. Ново-Николаевска (Новосибирска). Кто сказал, что время лечит – тот не знал большого горя. Не заживают раны в сердце, ты просто привыкаешь к боли!

У них была большая библиотека, и, пока не наступило время ужина, устроившись в уютном кресле, я стала читать роман, захвативший меня полностью, да так увлеклась, что вздрогнула от внезапно раздавшегося шума. – Кто здесь? В ответ тишина и снова шум. Посмотрела, никого. Но удары повторялись. Тогда я встала и повернувшись увидела позади кресла огромную фигуру мужчины во весь рост. Это видение повергло меня в состояние смятения и шока, но, присмотревшись, стало понятно, что это часы, выполненные по образу Петра Великого во весь его рост! Вот это да, а раньше не замечала! В последующие годы я нигде не видела такое воплощение образа Императора. Печально, но они бесследно исчезли, как и многое в последующие годы – годы оставившие в памяти столько горечи, потерь и о них тяжело вспоминать.

Но прерву свой рассказ и вернусь в этот день – день Рождества Христова. Наступило время обеда. – Кого нет за столом? – подала голос Анисья Ефимовна. – Анна ещё не пришла из гимназии, – сказал старший, Пётр. – Но уже время, – сказала матушка. – Пойди, встретить её, а то задержалась, видимо, где-то с подругой, – попросила она. Когда Пётр стал подходить к гимназии, то увидел меня с одноклассницей Марией Грохольской. – Анна, ты задерживаешься, а время обеда. Все уже за столом, ждут только тебя. Что-то случилось? – спросил брат. – Пётр, не сердись, – сказала я. – Мы обсуждаем смешной случай. Он произошёл на последнем уроке. – Начался «Закон Божий» и, когда была переключка, то батюшка, назвав мою фамилию и Марии, попросил нас покинуть класс. – Знаешь, мы даже обрадовались и пошли гулять. –

Странно, однако, – заметил брат. – И как он объяснил своё решение, чтобы вы ушли? – спросил Пётр. – Да просто сказал, что у нас другая вера, и нам нечего тут делать. Ещё немного пообщавшись, расстались. И мы с Петром пришли домой. Я извинилась, что заставила всех ждать.

Обед закончился, и надо было идти на кухню к матушке и её помощнице помогать готовить праздничный ужин. Младшие дети разошлись по комнатам готовиться к Рождеству. Этот праздник любили, но семья никогда не относилась к верующим. Нам просто нравился этот день, когда можно было всем собраться за одним столом и получить подарки от мамы и папы. Так повелось издавна. Однажды, когда дети стали подрастать, Анисья Ефимовна, собрав детей накануне Рождества, сказала: – Хотите, ходите в церковь... Я приму любое ваше решение. – Больше никто к вопросу о вере в Бога не возвращался. День подходил к концу. Малышам помогли красиво одеться. В большой гостиной стояла наряженная ёлка. Она пахла лесом и свечами, их было множество, и мерцающий огонь от них отбрасывал тени на стенах, на потолке и отражался на стёклах окон, за которыми сгущались сумерки. Все были в ожидании ужина и подарков. Чего только не было наставлено на столе: булки, большая кулебяка с капустой и яйцами, круглый сдобный паштет с форшмаком, пироги с разными начинками.

Но вот ужин закончился, и дети пошли опять любоваться лесной красавицей и разбирать подарки. Их в тайне от малышей прятал под ёлкой глава семейства Прокопий Родионович. Младшие, тоже вставшие в этот день очень рано, получив игрушки, книжки, сладости, с удовольствием укладывались спать в тёплые постельки в своих комнатках, которые уютно освещались праздничными лампадками. И так весело было засыпать, думая, что впереди целые две недели праздников – не надо учиться, можно целые дни играть, гулять, а по вечерам кататься с горок, наряжаться и т. д. А все старшие – Пётр, Иван, Николай, Ксения и я – после ужина играли в фанты, в жмурки, под орган танцевали кадрили, польку, вальс.

На следующий день ближе к вечеру в дом приходили ряженые. Кто-то был медведем, кто волком, кто козой, кто-то изображал юродивого. Наряжались цыганами и колдунами. Узнать никого невозможно, потому что лица у всех были закрыты. Пели, играли на гармониях, плясали, шутили. Шум, гам стоял невообразимый. В конце их угощали мёдом, пирогами, пряниками, мочёными яблоками. Все были довольны. Матушка хоть и привечала ряженых и одаривала, но в дом старалась не пускать, а встречали их на крыльце. Вот как проводили святки. Катались на лошадях и на санках с горки с соседскими ребятами. Снегу в зимние периоды было много, и он в те времена был ослепительно чистым и сказочно красиво блестел на солнце.

Между нашим садом и усадьбами соседей Гороховских и Сафроновых нас разделяла лишь тропинка. Далее от неё был спуск, который вёл к реке. Проживающие на этой улице спускались, чтобы постирать бельё. Да, так было в те годы, и в связи с этим вспомнился ещё один случай из моей жизни. Это произошло также перед Рождеством. Мне всегда больше всех надо было. Матушка пригласила домработницу заняться стиркой. Ну, как тут без меня! – Мама, можно я пойду с Матрёной на реку, помогу ей и заодно прогуляюсь? Подогнали извозчика. Всё погрузили и поехали. Был лёгкий морозец, светило солнце.

Приехали. Помощница занялась делом, я решила ей помочь. В какой-то момент, не удержавшись на мосточке, я поскользнулась и упала в воду. Она испугалась больше меня и стала кричать: «Ой, Господи, помогите, барышня тонет! Что же делать?! Кошмар, помилуй, Господи, барыня меня убьёт...» – Услышали, кто был неподалёку, спасли. Плавать я не умела, да и вода была ледяная. Эта история вылилась позднее в тяжёлое заболевание с ногами, и предстояла ампутация. Моя мама даже мысли не допускала об операции. Она нашла знахаря, он-то и спас мою ногу. Случай со стиркой напоминал о себе во взрослой жизни.

Пришлось помучиться с ногами, но они хоть остались целыми. и я все годы была благодарна своей матери, проявлению её заботы обо мне. Впоследствии матушка никого и никогда больше не отпускала на реку. Одна радость была у нас, кто жил недалеко от реки: зимой она была скована льдом, и к ней вела дорога. Мы брали санки и с визгом и хохотом, опережая друг

друга, неслись с горки. То-то весело было кататься с неё, хотя и немного страшно. Веселью и смеху не было конца...

Так проходила первая неделя после Рождества. Так было всегда, во все те годы – годы детства и юности. Мы росли в тепле, уюте и достатке. Глава семьи служил в суде, работая архивариусом, а матушка занималась детьми и домом. Всё было хорошо, пока в стране не случилось то, что навсегда перечеркнуло привычные устои общества и его уклад.

Причалы судьбы

Моя жизнь после войны ничем не отличалась, на мой взгляд, чем-то особенным, чтобы рассказать о том времени. Но жизнь уходит, и мне захотелось записать воспоминания о том периоде, оставившем след прошедших лет в нежной душе ребёнка, а потом и зрелого человека. Погибший на войне мой родной брат Евгений учился музыке и весьма успешно. Мама хотела, чтобы я тоже занималась, но, увы, меня в музыкальную школу не взяли, сказали, что баллов не хватило. Помню слова мамы «блата не хватило», а всё остальное в порядке. Школа в ту пору в нашем городе была одна, и у тех, кто имел связи, деньги, должности, их дети стали учиться музыке. Это был следующий этап моей жизни, после которого остался тяжёлый осадок.

Наступил 1949 год, и я пошла в школу. Мне повезло, я училась в хорошей школе – в школе, где были преподаватели старой закалки. И ещё соблюдались традиции прежних лет. Эти педагоги учили когда-то мою матушку, она была гимназисткой. Запомнились многие учителя, а особенно учительница по рисованию. Она была уже в очень почтенном возрасте. Её любовь к своему предмету и внимание поражало. Врождённая интеллигентность, такт, умение подойти к любому ученику, заинтересовать, помочь разобраться... Она так учила, что и в свои годы я это помню по сей день. В те годы рисование было обязательным предметом так же, как музыка и спорт. Интеллект, культура, красота взаимоотношений между учителями и учениками были превыше всего, и считались нормой. Учителя обращались к нам на «вы». Так было принято, такое не забывается. По временам и понятиям сегодняшнего времени можно сказать, что я училась в элитной школе у элитных учителей среди элитных детей. В классе были дети в основном из благополучных полных семей. У меня одной папа погиб. Я была поздним ребёнком у мамы, а родители моих сверстников были молодыми. Педагоги учили... учили и внушали, что как же хорошо на свете жить под руководством партии «дедушек» – Ленина и Сталина. Но мы не знали и не догадывались, что происходило в стране и учились с удовольствием. Много читали, ходили в театры. Нас учили писать сочинения, правильно излагать свои мысли, заучивать наизусть отрывки из произведений Пушкина, Маяковского, Горького. В походах знакомили с окружающей природой, посещали музеи, выставки, ходили в гости друг к другу.

Запомнилось, как нас учили хорошим манерам; например, танцам. Их организовала жена генерала – мама одной из учениц нашего класса. У неё образование было 4 класса, но это не в укор ей, а напротив! Она помнила, как жили до революции и застала светлые времена правления Российской империей Императора Николая Александровича. Как сейчас, перед глазами генеральский дом. Высокие потолки, красивые интерьеры, большие просторные комнаты. Она хотела, чтобы мы умели танцевать, но я, к сожалению, так и не научилась.

Чем ещё отличалась наша школа, так это встречами делегаций из-за границы. Правда, той заграницей всегда были Монголия и Китай. Мероприятия проводились на сцене «Большого театра» Сибири – Новосибирского театра оперы и балета. Я так любила театр! И так любила бывать на сцене, что помню, как у меня заболело горло, я стала полоскать его раствором с солью, лишь бы не пропустить встречу с иностранной делегацией. То полоскание вспоминаю с ужасом, но ответственность была превыше всего.

И, конечно, в памяти остался день, когда в школу пришла молодая учительница – комсомолка. Нам было задано написать сочинение на тему – «Кем ты хочешь стать». Что я могла написать при моей любви к театру, я написала, что хочу стать актрисой. Преподаватель, когда очередь дошла до моего сочинения решила прочесть его всему классу. Она читала его с чувством собственного превосходства и с иронией в голосе, давая понять, что я выбрала не тот путь – путь строителя коммунизма. Дети приняли её отношение к моему творче-

ству и дружно смеялись. Они оказались умнее и написали то, что надо – врачами, педагогами, инженерами, шахтёрами, лётчиками...

Так произошёл в моей, как казалось, относительно нормальной жизни, ещё один надлом в детском сознании.

Из моего детства, кроме школы, я запомнила событие 1950 года. Напротив нашего дома, построенного моим дедушкой, был красивый многоэтажный кирпичный дом, а проживали там, в основном, офицерские семьи. Первый этаж был секретным подразделением Сибирского военного округа. Все ребята, жившие в нём, приходили ко мне во двор играть, потому что у нас с мамой было красиво и уютно в саду. Мама обожала природу и, буквально боготворила её. Много цветов, деревьев, кусты сирени, черёмухи, яблони, беседка, сделанная руками моей мамы... Мы, дети, играли в войну, в театр, в дочки-матери – в общем, во всё то, что тогда было, как нам казалось, интересно. После шумных игр мама иногда угощала моих друзей своей выпечкой. Она была мастером в этом деле. Когда все в один из таких дней разошлись по домам, я подошла к окну и стала наблюдать, как садилось солнце, медленно уплывая за горизонт... Прохожих на улице уже почти не было, и вдруг раздался страшный грохот. Я в страхе отскочила от окна. Ни я, ни мама не поняли тогда, что это было. Позже мама нашла пулю, влетевшую через окно в комнату. К счастью, она пролетела мимо меня. Видимо, кто-то из деток богатых родителей решил развлечься и, взяв ружье (может, пистолет), выстрелил в наше окно. Мама после того, что произошло в её жизни, всего боялась и сообщать об этом никому не стала. Её к этому приучило время, в котором она жила. Меня тоже.

Закончена школа, но ни о каком поступлении в театральный ВУЗ и речи уже быть не могло.

Я пыталась понять, что нужно! А нужно было где-то найти работу, чтобы обеспечивать себя и помогать маме. В 60-е годы был призыв девушек служить в армии. Я не задумываясь решила попробовать. Моя служба началась в Средней Азии. Это время запомнилось, как казалось тогда, ярким событием – историческим событием в жизни страны. И я стала его невольным свидетелем.

Станция Джу-джу-клу – это пустыня в Туркмении с таким же названием. Ночь тёплая, звёздная, какими они бывают в Средней Азии, где всегда светит яркое солнце, где небо всегда ослепительно голубое и буквально усыпано крупными, светящимися яркими звёздами. Тишину нарушали только сверчки, напоминающие о том, что завтра, в отличие от сегодня, будет чуть больше, чем +50!

Моё дежурство на станции началось после ужина. В руках книга. Время тянется медленно. Я уже стала дремать под звуки шагов часового, охраняющего объект и меня, как вдруг... Звонок! Четыре часа утра, и звук – явно не местный, судя по громкости.

– Слушаю – назвав позывные, ответила я.

– Говорит... (кто это был посвящать читателя, не будем, откуда – понятно) – Соедините меня с командиром части. – Потребовал голос, не терпевший возражений.

Хотела всё же возразить, но... подумала «От греха подальше» и соединила. И, представьте себе, подслушала:

– Немедленно до подъёма солдат из казарм, из всех помещений части убрать тезисы, доклады, статьи, выступления, портреты Никиты Хрущёва...

Я тихонечко отключилась... Ну, скажите, кто это мог услышать кроме меня. Но в историю, как таковую, я, конечно, по понятным причинам, не вписалась. Прошло два года службы в песках, и меня потянуло в противоположные края нашей Родины. После всей среднеазиатской экзотики, благо, что проезд для военнослужащих был бесплатным, мне захотелось романтики, и я отправилась служить дальше, – на Камчатку. Да и причина такого решения была веской. Я потеряла любимого человека; точнее, он меня предал, и я решила уехать, чтобы всё забыть. И это несмотря на то, что приключений и всего хорошего было много. Ничего выда-

ющегося и запоминающегося в жизни и работе в штабе флота Петропавловске-Камчатском, не было. А вот погодные условия бывали такими, что становилось порой страшно выходить из дома.

Вулканы, когда «стояли» молча, производили впечатляющий вид. Мощные и величественные, они смотрели на землю свысока. Но иногда их «терпению» приходил конец, и они выплёскивали из себя всю свою энергию и угрожающе гремели, распуская шлейфы брызг и огненной лавы на город.

В те далёкие годы со мной вновь повторилась история с предательством, а далее уходом из жизни человека, который мог бы стать для меня всем. Не случилось. Больше мне в моей жизни построить отношения так и не пришлось. На моём пути встречались мужчины уже женатые или просто неинтересные...

Прошло почти 10 лет, и я решила вернуться домой. Неожиданно для себя поняла, что то всё, что я делала ранее было не моё. Меня ведь всегда тянуло к творчеству и к творческим людям. Кроме того, что я мечтала стать артисткой, в первых классах школы занималась в студиях при театре. Приехав в родной Новосибирск и воспользовавшись давним знакомством моей мамы с писателем и артистом Юрием Магалифом, я была приглашена на работу в филармонию. Юрий Михайлович был репрессирован в сталинские – годы «счастливого» детства и молодости многих, – но мама не побоялась принять его в свой дом. Работа в филармонии обогатила меня новыми впечатлениями, знакомствами с очень интересными людьми. Тогда «звёзд» не было! В кино и в театрах служили и работали по-настоящему творческие личности. Далее была Западно-Сибирской студии кинохроники, и я узнала, как снимают документальное кино. Студия кинохроники внесла в мою жизнь свой отпечаток того времени.

Следующий эпизод или событие наложил печальные мысли-воспоминания не только на меня, но думаю и на всех здравомыслящих людей. Это произошло в 1973 г. у Монумен-та славы погибшим новосибирцам в годы Великой Отечественной войны. Какой-то распоясавшийся хулиган решил пострелять среди бела дня. Прицелившись из окна своего дома, он выстрелил в караул, дежуривший у памятника. К своему стыду, я не помню фамилию героя, в которого угодила пуля. Но этот ребёнок не убежал, не расплакался, он продолжал стоять, истекая кровью. Ему было 11 лет! Я, узнав про этот случай, пришла в кабинет к директору студии кинохроники и попросила, чтобы съёмочная группа сняла материал об этом мальчике-герое. Ответ был отрицательный. Мне сказали, что никакого героизма тут нет. А после, когда об этом узнали в Москве, то вышла статья в газете «Комсомольская правда». Писал её бывший военачальник высокого ранга, выразивший недоумение по поводу действий властей города. После этого случая мне дали понять, что я здесь лишняя.

Впоследствии и неожиданно для меня, мне было предложено место в редакции газеты, а далее меня направили на учёбу в Высшую партийную школу (теперь это Сибирская Академия). И это – несмотря на то, что я не была членом партии. Я с радостью приняла это предложение. Мне тогда казалось, что там будет интересно. Всё-таки факультет журналистики. Очень хотелось научиться писать нужные материалы, отражающие жизнь моей страны, печататься. Не тут-то было! Цель у этого учебного заведения была одна – Ленин, революция, до неё всё было плохо, а вот сейчас... Надолго меня не хватило. Я всё понимала, как никто другой, и в моей голове это не укладывалось. Я не состоялась и тут, если учитывать, что однажды, написав материал не отвечающий их требованиям и понятиям, меня призвали к ответу и снова... «ушли». Нигде особо не прижилась. Да и как тут прижиться, когда то, что было во время брежневского застоя, мог принять только тот человек, который был подвержен и привержен этому строю – коммунистическому. Я видела и знала, как надо, и другие тоже понимали, но умели делать вид, что всё хорошо.

Да, были ещё места работы, потом наступили годы, когда её не стало. Как выжила, и уже будучи с ребёнком? Да как все другие, что как-то выживали...

Сколько бы ни прошло лет, я всегда помнила, что мой отец защищал Родину. Он был предан своей стране. Меня часто посещали мысли о том, что вот тогда в 1942 году, как началось для меня ничего не обещающее начало жизни, так оно и продолжалось...

Думаю, а если бы папа был жив, то не случались бы со мной такие препятствия на моём пути. В более зрелом возрасте мне случайно попали в руки перепечатки в очень плохом состоянии. Это были книги нелегально привезённые из-за рубежа – Александра Солженицына, Григория Климова, статьи Ивана Солоневича и – не так давно – Игоря Войтенко. В этих книгах было то, о чём я интуитивно догадывалась, и что не давало мне нормально жить, работать, делать карьеру... В них была и есть правда. О ней не принято было писать, говорить. Я не была знакома с этими замечательными авторами писавшими о том, что они знали. Заканчивая своё повествование, я понимаю и признаю факт непринятия меня в слои того общества, которое существенно ломало жизнь и сознание нормальных людей.

Счастливая находка

Однажды я выжила в полном смысле этого слова. Много не ценим ни в себе, ни в людях. Человек думает, что он вечен на этой земле. Но жизнь заканчивается на Земле, и продолжается, но в другом измерении, в другой жизни. Вот в этом состоянии я едва не оказалась. Хотя, кто знает, кому и сколько дано пробыть на этой грешной земле. Только взрослея, познаёшь и понимаешь мир внутри себя и вокруг себя, не зная, что он дарует в ближайшем будущем.

Давно это было. Отдых предполагал наслаждение от – от природы, присутствия знакомых приятных людей. Облачившись в чью-то одежду, я вместе со всеми поехала в лес собирать ягоду. Сначала всё было, как, наверное, и должно быть: разговаривали шутили, любовались окружающей и необычной в этих местах природе, тёплому лету. Слушали, как переговаривались между собой птицы. Я, не привыкшая к таким походам, замешкалась и стала отставать. Слышались: «Ау, Наталья! Ты где?» – «Здесь!» – отвечала я, и вдруг всё стихло. Я поняла, что безнадежно отстала, и, оглянувшись вокруг убедилась, что никого нет, я одна и потерялась.

Какие мысли у меня были в голове, я не помню. Но желание жить, видимо, присутствовало. Через какое-то время начались галлюцинации. Ну вот, слава Богу, вот она, наша машина, и цвет её, и она стоит на том же месте, где её оставили. ... – думала я радуясь. Я направилась в её сторону, но её не оказалось. Я шла то в одну сторону, то в другую, стало смеркаться. Призрак красной машины преследовал меня всё время пока я кружила в поисках выхода из замкнутого круга. Стало нехорошо. Тишина нещадно давила – ни шороха, ни звука. Наткнулась на какие-то выбоины в почве, присмотрелась – нет, не показалось, это были следы дикого зверя. Отпечатки были большие и глубокие. Я подумала: «всё», или не успела, и тут моя рука опустилась в карман, и обнаружила, что в кармане что-то лежит. Достав то, что там лежало я обомлела. В моей руке оказался коробок спичек. Это спасение или?.. Я продолжала тупо двигаться из стороны в сторону и наткнулась на спиленные дрова, аккуратно сложенные посередине большой поляны. Сразу в голову ударила мысль – взять спички, и чтобы горело. Я не умела разжигать костры. Но решила попробовать. «Чирк-чирк» – не горит, а только дымится. Стала дуть изо всех сил, и огонь занялся. Он быстро побежал по сухим веткам и вот, наконец, столб огненного пламени взлетел, освещая ночное в звёздах небо. Обессиленная, присела на какой-то пенёк и смотрела на разгорающийся столб огня, уходящего ввысь. Мне хотелось спать. Но я понимала, что нельзя, что если я усну... «А что бы было если..?». Внезапно послышался какой-то гул, чьи-то голоса вдалеке громко разговаривали. Я испугалась, насторожилась, и в этот момент подумала, что все мои страхи растворились, что пришло ощущение спасения. «Слава Богу!» – крикнула, увидев вдалеке несколько солдат, поднятых в воинской части по тревоге. Это было в четыре часа утра.

А к шести, когда меня привезли домой, увидела мою дочь, стоящую у окна. Она колотила кулачками по стеклу и по артикуляции её губ поняла: «Это моя мама, она нашлась!» – «Слава Богу» – подумала я в этот момент: «С моей дочкой ничего не случилось!» Правда, впоследствии весь этот абсурдный случай отразился как на моей девочке, так и на мне. Долгое время я не могла прийти в себя. Мучали кошмары, и странные сны не давали покоя. Пришлось обратиться к врачу, но об этом лучше не вспоминать... В голове периодически возникало – «Спасибо. Господи, что ты подарил мне вторую жизнь!»

Тогда, в тот момент, я доверилась Богу и себе. Я не стонала, не рыдала, я благодарила Всевышнего за то, что впервые поверила в себя. Впереди была жизнь и ничего кроме жизни. Это было так здорово, необычно и хорошо! Почти никогда не ощущала, себя счастливой, пока не поняла, что жизнь захватывая, несёт нас по своим правилам, а после какого-то испытания продолжается. Интересна сама жизнь, её движение, и каждое мгновение неоднозначно. Однажды прочла такие слова – жить надо хотя бы из любопытства.

До сих пор вспоминая этот случай, я думаю – вот откуда взялся этот коробок спичек в кармане старой куртки? А если бы... действительно странно. На эти мои мысли ответа нет и не будет. Но знаете, жизнь ведь замечательна и удивительна, но при одном условии, если замечать и удивляться. самое главное в тот момент – было желание остаться в живых, увидеть дочь, порадоваться лучам восходящего солнца, услышать перезвон птиц, приветствующих рассвет. Дар умения быть счастливыми в детстве есть у всех, и лишь немногие могут сохранить это до конца. Моё детство не было радужным и возможно поэтому я это ощущение не сохранила. Скажете, причудливое переплетение мыслей, поступков, случайностей – да! А что-то изменить, вычеркнуть, поменять не получится.

Фотографии на память

#

Посольство РФ. Париж. Выставка фото-работ, организованных моей дочерью. Посвящена празднованию Дня Победы. 9 мая 2018 г.

Париж. Штаб-квартира «ЮНЕСКО» 31 июля 2015 г.

Франция. Париж. Сена! Прогулка на теплоходе 29 мая 2014

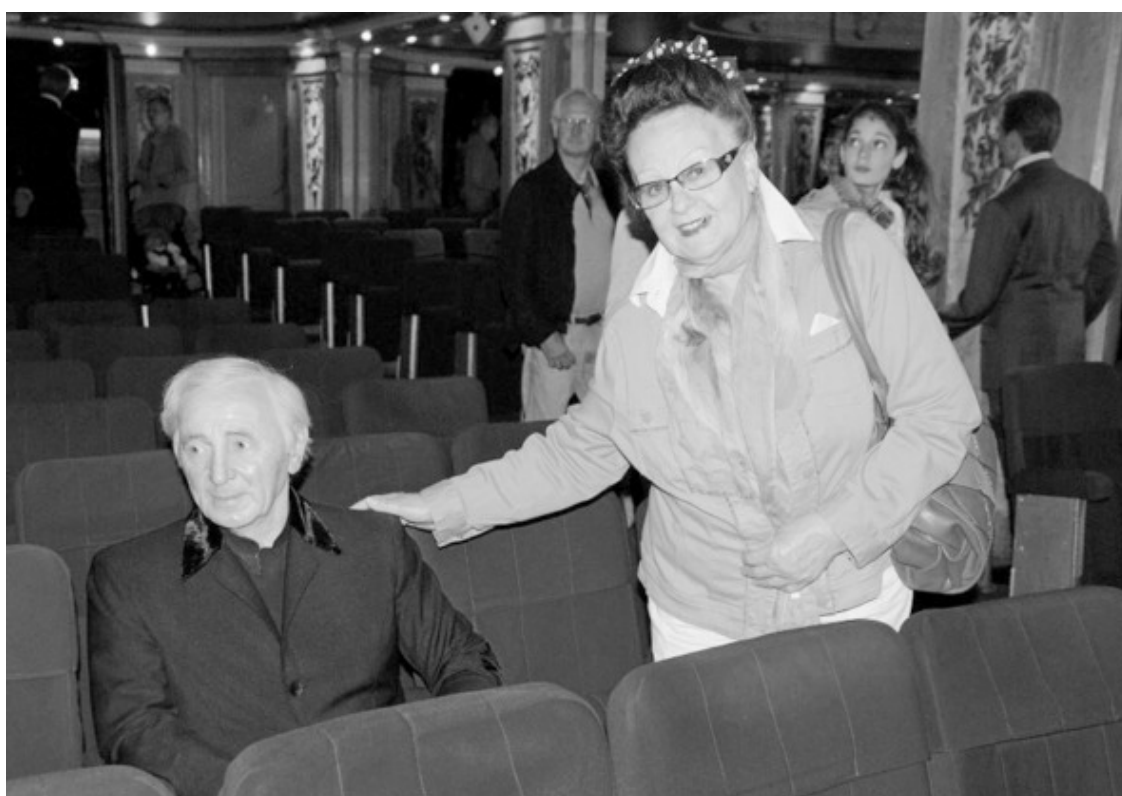

Франция. Etrépagne. Особняк конца 19 – начала 20 века. Здесь была художественная галерея, проводились выставки, мероприятия посвящённые знаменательным датам России и Франции.

Семья Циклинских в полном составе.
Ново-Николаевск. Частная фотография Циклинских. 1916 г.

Музей восковых фигур «GREVIN». Париж 3 июля 2014 г

Письма памяти

Новосибирск. Вокзал.
Заснеженный перрон.
Шёл год сорок второй...
Женщина с ребёнком на руках
в смятении души на фронт
супруга провожала.
Девчушка та, у матери в руках,
не знала о её переживаниях.
Ей не было и двух,
она тогда не понимала,
что видела отца
в последний раз.

Прошло пять лет.
Закончилась война.
Вернулись же не все.
Шло время. Но девочке
подросшей не пришлось
встречать отца с Победой
в сорок пятом.
На тот вокзал,
на тот перрон,
когда была уже весна,
пришли другие люди.
А маме почтальон
принёс конверт.
Она взяла его
дрожащими руками.
Прочла и изменилась
вдруг в лице,
глаза её наполнились слезами...
Кому-то **ДЕНЬ ПОБЕДЫ** —
это праздник!
А в нашей жизни —
боль, печаль и грусть.

...Той маленькой девочкой на руках у матери была я. Конечно, я ничего не понимала и не могла помнить, а узнала уже, будучи взрослой, со слов моей мамы. Радостного детства у меня, как у и многих детей тех лет, не было. А в памяти только воспоминания моей мамы. Она рассказывала мне о том, как ей приходилось в войну, чтобы просто выжить.

В то время, когда шла Великая Отечественная война, в стране появились люди, умеющие жить. На рынке рис, манка, ещё что-то, продавались за баснословные деньги, а в магазинах пустые прилавки. Видимо, все товары оттуда перекочевали на рынок благодаря предприимчивым людям. Помню, что мама говорила про то, как к ней пришёл какой-то незнакомый человек и предложил ей продать фортепиано. На этом инструменте учился играть мой родной брат

Евгений. Мама не отдала инструмент. Это пианино было символом памяти и благодарности мужу за отношение к семье и любви к детям.

...У меня хранятся письма папы, пожелтевшие от времени листочки, написанные моим отцом с фронта. Папа был дворянского сословия и имел, как многие, учившиеся до революции, удивительный изысканно красивый почерк. Некоторые слова в письмах были зачёркнуты – видимо, по соображениям тех служб, отвечающих за... не знаю – за секретность, вольность мыслей, по их мнению, в общем, как они считали нужным, так и делали.

28 июня 1943 года. Понедельник. Здравствуйте, мои родные, – Нюсик, Нина, Женя и Наточка! Наступили дни тяжёлых испытаний. Вчера целый день шли пешком под проливным дождём. Добрались до деревни Измалково Орловской области и остановились в крестьянском бараке, промокшие до костей. А сегодня прекрасный солнечный день с ветерком, видимо, природа нас пожалела, и мы смогли высушиться. Через час-два, снова в дорогу – маршрут километров 100. Яблоневые сады кругом, цветёт картошка, и никого нигде...

31 августа 1943 года. Здравствуйте, дорогие мои, Нюсик, Нина, Женя и Наточка! Через пять дней будет ровно месяц, как я нахожусь в непрерывных боях. Всё обещают отдых, да никак... Два раза уходили с передовой, а к вечеру новый приказ – снова на передовую. Я тебе пишу, а кругом рвутся снаряды и мины. Я частенько сопоставляю жизнь до войны и тут на фронте. С минуты на минуту ждешь смерти. Сейчас движемся на Полтаву и Сумы. Крепко там засела немчура. Из деревни, под какой сейчас идёт бой, угнан весь рогатый скот. Третий день не можем их выбить. Угнали всех здоровых мужчин и девушек в Германию. А кто сопротивлялся, избивали и увозили...

11 сентября 1943 года. Здравствуйте, дорогие мои Нюсик, Нина и малютка Наточка! Что нового у вас в глубоком тылу? Я живу по-фронтовому. Командую взводом, но до этого командовал ротой, а командира ранило, и меня назначили командовать взводом. Как тебе помогают с топливом? Как ты сама принимаешь меры через военкомат и горсовет? Что нового от Жени с фронта, пишет ли он?

31 октября 1943 года. Здравствуйте, дорогие мои, жена и дети, Нина и Наточка. Наконец-то я дождался от вас долгожданного письма после такого большого перерыва! Два с половиной месяца не было от вас ничего. Моей радости нет предела!.. Как бы хотелось всех вас увидеть и посмотреть на свою любимую дочь Наточку. Береги её. Напиши, сколько у вас мешков картошки, хватит ли. Вещи не жалеи, береги здоровье. Люди теряют здесь жизнь, а мирное население всё имущество и дома. Немцы при отступлении всё сжигают и разрушают. Это не люди, а изверги. Дорого им придётся расплачиваться. И час расплаты уже близок. Где остальные твои письма? Славная рученька Наточки. Как она уже пробует себя на пианино? Крепко целую, твой муж Петр.

01 декабря 1943 года. Добрый день, дорогая моя жена Нина и Наточка! Извиняюсь, что долго не писал. Несколько дней были в передвижении. Болел. У нас здесь пока ещё нет зимы, а стоит паршивенькая украинская осень. Сажу в блиндаже. Темно, холодно, особенно мёрзнут ноги. Отмороженные ноги дают о себе знать. Немцев гоним к западным границам. Уже взят Гомель и другие города. Защищаются они яростно, но это вполне понятно, ибо чувствуют, что жестоко им придётся расплачиваться за совершённые преступления на нашей земле. Пиши, пожалуйста, чаще! В День 26-ой годовщины Октябрьской революции получил Орден «Красная Звезда». Вручал командир дивизии генерал-майор. Как хочется всех вас увидеть, поговорить. В особенности хочется увидеть Наточку и услышать, как она теперь лопочет... Местонахождение – чистое поле. Целую крепко крепко-крепко. Твой муж Петя.

...Есть и хранятся ещё письма со словами искренних чувств, красивых слов и добрых пожеланий... Задано много житейских вопросов, но это письмо, датированное декабрём 1943 г., стало последним.

Сколько бы ни прошло лет, я всегда помнила и, пока живу, буду помнить, что мой отец защищал Родину; нашу с вами Родину.

Пётр Беломытцев погиб в 1944 году третьего января. Папа был награждён Орденом боевого Красного Знамени и Орденом Красной звезды. Он был предан нашей стране до конца своей жизни.

СОЛОВКИ

Перебираю и часто просматриваю письма моего отца Петра Семёновича Беломытцева. Папа родился 15 декабря 1898 году в Тамбовской губернии Алешковского района, дворянин по матери. До 1928 года работал заместителем главного ревизора управления Томской железной дороги в Новосибирске, занимался ликвидацией безграмотности, а какое-то время работал даже директором магазина. И вот в руках у меня документ:

Дата ареста: 7 июля 1928 г.

Обвинение: «по обвинению в участии в контрреволюционной организации».

Осуждение: 28 сентября 1928 г.

Осудивший орган: Коллегией ОГПУ

Статья: 58, п. 11 УК РСФСР

Приговор: к 3 годам лишения свободы. Дата реабилитации: 26 декабря 2002 г. Что касается указанной даты по реабилитации здесь, то в предоставленных мне документах из архива, это не соответствует действительности, так как запрос был направлен ещё в 1964 г. и только после ответа из архива мне тогда разрешили приступить к работе. Я этот документ в глаза не видела. При повторном обращении мне прислали документ с датой, от 2002 г. Папа был осуждён на три года, отбывал заключение в Соловецких лагерях особого назначения (СЛОН).

Его обвиняли в каких-то хозяйственных преступлениях, но реальная причина, скорее всего, связана с его происхождением или политическим инакомыслием. Моя мама всю свою жизнь хранила эти письма, а потом, когда матушки не стало, то храню (хранила) я – его дочь Наталья. Здесь я сделаю отступление. Дело в том, что в годы перестройки и после я растила свою дочь одна. Пенсию не платили, я была после инсульта на инвалидности и мне пришлось продать папины письма. Это как-то поддержало нас с дочкой, и мы смогли что-то купить из еды.

Мой возраст в те годы не позволял иметь работу. Хотя я пыталась мыть полы в подъезде, выучилась на лифтера, но состояние здоровья вновь привело меня в больницу. В объявлениях писали – требуются до 35 лет, мне было за сорок, а дочке 10 лет. Для многих в те времена поддержки и помощи от государства не было никакой вот и пришлось пойти на такой шаг.

Сейчас эти письма хранятся в ООО Антикварно-букинистическом магазине в ведении Савченко Станислава Алексеевича, а у меня – копии. Эти пожелтевшие от времени письма, я читала и мысленно представляя те годы, я понимала в каких условиях содержались узники лагеря, узнавала мысли оторванного от нормальной жизни человека – моего отца из писем. Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН) большевики начали строить в 1923 году на Соловецких островах в Белом море, а закрыли их в 1934 году. Папу в 1928 году отправили на «отсидку» через всю страну, потому что в то время в Сибири лагерей не было. Созданный «отцом» народов ГУЛАГ появился позднее – СЛОН стал первым камнем в советской карательной пенитенциарной системе. Здесь содержались как политические, так и уголовные заключённые.

О порядках в лагере отец писал кратко: «В комнате 12 человек, но некоторые – скверного поведения, так что я стараюсь от них подальше... Публика здесь самая разношёрстная, от маленьких воришек до рецидивистов». Были среди заключённых и аристократы – князья, графы, помещики, артисты и представители духовенства, которым иногда позволялось служить, например, вечерню на второй день Пасхи.

Когда я работала в Новосибирской Государственной филармонии я познакомилась с Народным артистом Павлом Александровичем Шальновым из Москвы. Он приезжал в наш город на гастроли. В процессе общения я узнала от него, что его отец, принадлежащий к интеллигенции тех лет, в то же время отбывал срок в Соловках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.